

ЕЩЁ РАЗ О ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ ПОДВЕСКЕ ИЗ ЧЕРНИГОВА

В статье рассматривается древнерусская геральдическая подвеска (верительный знак княжеского чиновника), найденная при раскопках в Чернигове. На стороне А у неё помещено парадное изображение трезубца Владимира Святославича (†1015), на стороне Б сохранились следы графы — разметки нереализованного изображения трезубца. Случаи размещения на обеих сторонах геральдической подвески одинаковых знаков неизвестны, так что трезубец, который предполагалось разместить на стороне Б, должен был принадлежать одному из сыновей Владимира Святого. Над разметкой центрального зубца трезубца как будто бы угадывается фрагмент графы, обозначавшей кружок. Если это не случайные каверны, то трезубец на стороне Б должен был быть изображением герба Ярослава Владимировича (Мудрого). В таком случае наиболее вероятной датой изготовления черниговской подвески следует признать 1014 г., когда новгородский князь-наместник Ярослав отказался платить ежегодный «урок» Киеву и Владимир собрался идти войной на мятежного сына.

Ключевые слова: Древняя Русь, герб, князь, верительный знак.

Геральдическая подвеска из раскопок в Чернигове (рис. 1–2) уже была предметом специального исследования. Публикуя подвеску, мы персонифицировали трезубец, изображённый на стороне А, Владимиру Святославичу, а царапины на стороне Б расценили в качестве графы — разметки изображения, оставшегося незавершённым: «В сохранившихся фрагментах графы угадывается фигура трезубца с вертикальным правым зубцом, центральным зубцом, перечёркнутым горизонтальной линией, широким основанием и треугольной ножкой. Вершина центрального зубца не ясна. Пространство, в котором должен был размещаться левый зубец, уничтожено коррозией. Прочие царапины, вероятно, размечали схему плетёнки, которая должна была придать изображению “парадный” облик» [Белецкий, Новик, 2009. С. 58]. Таким образом, в процессе изготовления черниговской подвески концепция верительного знака была изменена: вместо двусторонней подвески была изготовлена односторонняя, а разметка другой стороны была перекрыта полудой, и сторона стала гладкой, лишённой изображений.

Разумеется, необходимость переделки подвески, возникшая уже на стадии изготовления, могла быть следствием любых, в том числе случайных, обстоятельств. Однако объяснять переделку случайными обстоятельствами можно только в том случае, если иных объяснений найти не удаётся.

В поисках причины переделки черниговской подвески обратимся к проблеме правового статуса держателей геральдических подвесок. К настоящему времени учтено не менее 37 таких предметов [Белецкий, 2004; 2012; 2014а; там же основная литература]. Большинство из них уверенно разделяются на три группы — односторонние подвески с изображением княжеского знака, подвески с изображениями древнерусских княжеских знаков на обеих сторонах и подвески с изображением на одной стороне двузубца или трезубца, а на другой — изобразительного символа, не принадлежащего к «знакам Рюриковичей».

Правовой статус держателей односторонних подвесок очевиден: владельцы верительных знаков такого типа являлись представителями князя, лично-родовой знак которого был изображён на подвеске. Все известные в настоящее время односторонние подвески несут изображение трезубца Владимира Святославича (рис. 3: б), так что держатели подвесок в своей деятельности выступали представителями Владимира Святого.

Правовой статус держателей подвесок с изображениями древнерусских княжеских знаков на обеих сторонах не столь очевиден. Размещение на одной подвеске двух разных знаков свидетельствует о том, что держатель подвески в своей деятельности выступал представителем одновременно двух князей. В тех случаях, когда один из знаков принадлежал великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства, и от княжича, посаженного отцом на местный княжеский стол. Сочетание на одной из подвесок [Белецкий, 2014а. № 63] изображений родового двузубца Рюриковичей и трезубца Владимира Святославича (рис. 3: 5) прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о передаче великим киевским князем Святославом Игоревичем новгородского стола бастарду Владимиру [ПВЛ. С. 49, 50]. Точно так же была изначально оформлена и костяная подвеска из Новгорода [Белецкий, 2004. № 31], а «редактирование» двузубца, переделанного в трезубец, прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца [ПВЛ. С. 53, 54]. Соответствует летописному сообщению [ПВЛ. С. 83] и размещение на ряде подвесок одновременно трезубцев Владимира Святославича и его сыновей (рис. 3: 8–10) — Вышеслава [Белецкий, 2004. № 51, 52], Ярослава [Белецкий, 2004. № 34] и Бориса [Белецкий, 2014а. № 56, 94] Владимировичей.

В летописи княжичи, получившие столы «из руки отца», именуется князьями, но очевидно, что эти князья не были суверенами, а находились в зави-

Рис. 1. Геральдическая подвеска из Чернигова

симости от великого киевского князя, который был вправе переводить их со стола на стол. Статус княжичей, посаженных отцом на местные столы, соответствует положению великокняжеского наместника. Однако стороны подвесок были формально равнозначными, так что речь должна идти об усвоении князю-наместнику статуса соправителя великого князя.

Сложнее ситуация с размещением на одной подвеске знаков, принадлежавших двум князьям-наместникам. Очевидно, что держатели этих подвесок являлись такими же должностными лицами государственного аппарата «державы Рюриковичей», как и держатели подвесок с изображениями знаков великого князя и князя-наместника.

Понять правовой статус держателей подвесок с изображениями знаков двух князей-наместников позволяют подвески (рис. 3: 15) со знаками

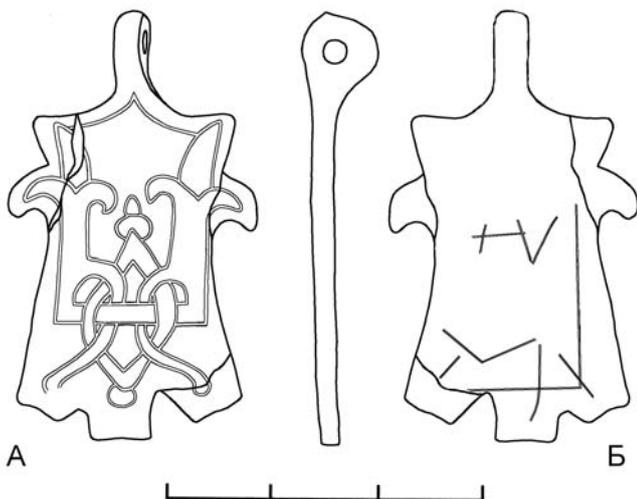

Рис. 2. Геральдическая подвеска № 43. Прорисовка с элементами реконструкции

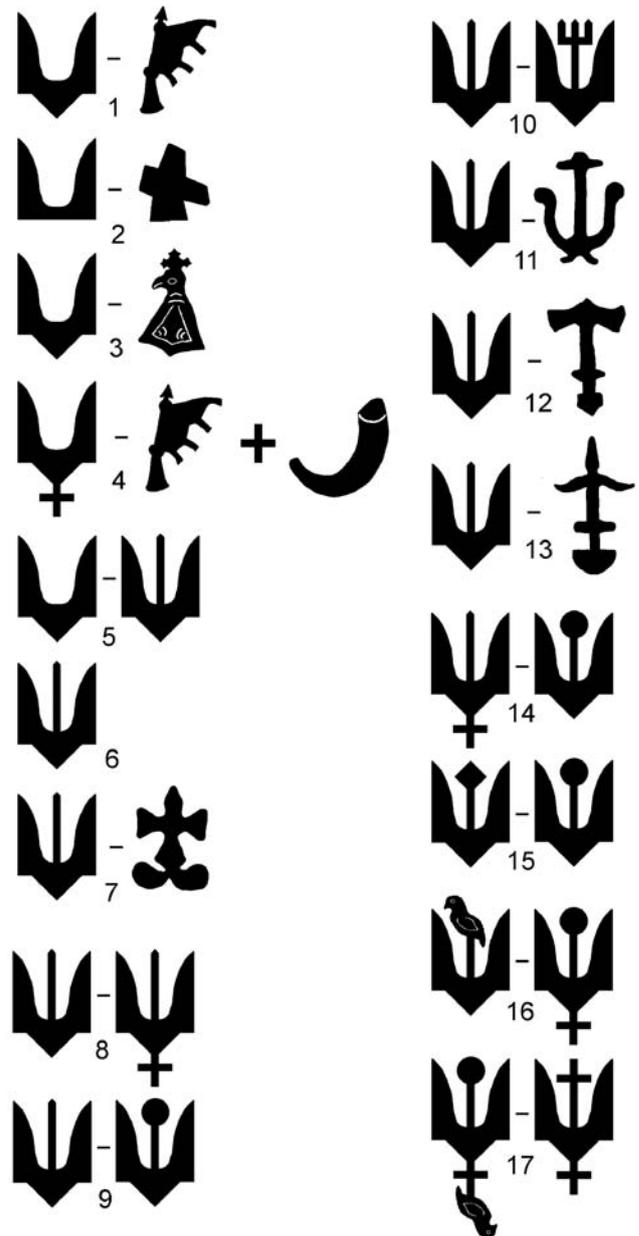

Рис. 3. Изобразительные символы на геральдических подвесках X–XI вв.: 1 – № 40; 2 – № 32; 3 – № 59; 4 – № 53; 5 – № 31, 63; 6 – № 29, 39, 58, 73; 7 – № 42, 97; 8 – № 51, 52; 9 – № 34; 10 – № 56, 94; 11 – № 35, 36, 80; 12 – № 50, 62, 93; 13 – № 89; 14 – № 8, 33, 41, 98; 15 – № 30, 57; 16 – № 37; 17 – № 28, 38, 101. Номера подвесок соответствуют номерам в каталоге [Белецкий, 2004; 2014a]

Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского [Белецкий, 2004. № 30; Белецкий, 2014а. № 57]. Появление в княжеском аппарате лиц, полномочных выступать от имени одновременно Ярослава и Мстислава Владимировичей, находит объяснение в летописном рассказе о разделении верховной власти между Ярославом и Мстиславом и соправлении князей в 1026–1036 гг. [ПВЛ. С. 100, 101].

Если сказанное справедливо, то прочие подвески с изображениями лично-родовых знаков князей-наместников на обеих сторонах (рис. 3: 14, 16, 17), вероятнее всего, материализовали собой дуумвираты новгородского князя Вышеслава и ростовского

князя Ярослава Владимировичей [Белецкий, 2004. № 8, 33, 41; Белецкий, 2014а. № 98], псковского князя Судислава Владимировича и новгородского князя Владимира Ярославича [Белецкий, 2004. № 237], новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брячислава Изяславича [Белецкий, 2004. № 28, 38; Белецкий, 2014а. № 101; Белецкий, 2014б]. Отсутствие в письменных источниках сведений о перечисленных дуумвиратах, как кажется, свидетельствует о том, что такие дуумвираты были не чем-то экстраординарным, а представляли собой вполне традиционное явление для властных структур Киевской Руси. Если не учитывать дуумвират Ярослава и Мстислава Владимировичей, разделивших между собой верховную власть в государстве, то все известные по знакам на подвесках князья-дуумвиры занимали столы за пределами южно-русских земель: Новгород, Ростов, Псков, Полоцк. Поэтому велика вероятность того, что князья-дуумвиры являлись в разное время коллективными наместниками великого князя в землях Северной Руси, и именно на эти территории распространялись, прежде всего, полномочия держателей подвесок, несущих лично-родовые знаки князей-дуумвиров [Белецкий, 2014б].

Правовой статус держателей подвесок с изображением на одной стороне двузубца или трезубца, а на другой стороне — изобразительного символа, не принадлежащего к семейству «знаков Рюриковичей» (рис. 3: 1–4, 7, 11–13), остаётся в большинстве случаев загадочным. В настоящее время известны подвески с изображением креста [Белецкий, 2004: № 32, 42; Белецкий, 2014а: № 97], стяга [Белецкий, 2004. № 40, 53], «турьего рога» [Белецкий, 2004. № 53], «меча-молота» [Белецкий, 2004. № 50, 62; Белецкий, 2014а. № 93], «меча-копья» [Белецкий, 2014а. № 89], якоревидного знака [Белецкий, 2004. № 35, 36; Белецкий, 2014а. № 80], птицы, из головы которой «растёт» крест [Белецкий, 2014а. № 59]. Из них, пожалуй, только для подвесок с изображением креста объяснение очевидное: все они, по сути дела, являются односторонними, поскольку изображение княжеского знака на этих подвесках сопровождается изображением креста, то есть символом не персональным, а статусным.

Якоревидный знак на подвесках, возможно, представляет собой стилизованный под якорь княжеский знак: на такую возможность указывает размещение близкородственных знаков на печатях № 3, 282б и 282в Корпуса актовых печатей Древней Руси [Янин, 1970. С. 166; Янин, Гайдуков, 1998. С. 149; Янин, Гайдуков, 2000. С. 299], а также наличие подобных знаков в клеймах на кирпичах из Пятницкой церкви в Чернигове [Холостенко, 1956. С. 287]. В таком случае, подвески с изображением якоревидных знаков следует относить к группе верительных знаков, на обеих сторонах которых размещены изображения княжеских знаков, а якоревидный знак на этих подвесках мог принадлежать одному из сыновей Владимира Святого.

Прочие изображения, сопровождающие на подвесках княжеский знак, в принципе, могли обоз-

начать должностное положение владельца подвески в структуре княжеского аппарата «державы Рюриковичей». На такую возможность указывает сочетание изображений княжеского знака и меча на деревянных цилиндрах № 6, 19 и 36 из Новгорода, сопровождавшееся в двух случаях из трёх надписью «мечник» [Янин, 2001. С. 95, 100, 105, 114, 125, 138]. Однако на геральдических подвесках изображения меча не встречены, а изображения «меч-молот» и «меч-копье», безусловно, являются не стилизованными изображениями меча, а особыми изобразительными символами.

Отметим, что большинство из перечисленных символов известны среди граффити на монетах: стяг зафиксирован в граффити № 27¹, 69², 72³ и 105⁴ свода 1991 г. [Добровольский и др., 1991. С. 67, рис. 30: 1–4] и в граффити № 74а⁵ и 259а⁶ свода 1994 г. [Нахапетян, Фомин, 1994. С. 200, 205], изображение «турьего рога» — в граффито № 149⁷ в своде 1991 г. [Добровольский и др., 1991. С. 63, рис. 24: 1], изображение «меча-молота» процарапано на монете⁸ из Борковского клада [Кулешов и др., 2012. С. 16, 19, ил. 7–8], а изображение птицы, из головы которой «растёт» крест, — на саманидском дирхеме⁹, происходящем, по непроверенным сведениям, из Черниговской области [Нечитайло, 2012. С. 6, № 4]¹⁰. Заметим, что граффити с изображениями стяга, о происхождении которых имеются достоверные сведения, найдены в составе кладов первой четверти Х в. — граффити № 69 и 72 зафиксированы на монетах из клада у д. Погорельщина, сокрытого не позднее 910 г. [Добровольский и др., 1991. С. 139], а граффито № 105 процарапано на монете из клада, сокрытого после 906 г. [Добровольский и др., 1991. С. 141].

Юридический характер перечисленных изображений представляется несомненным. На другой стороне монет с граффити № 72, 149 и на граффито, опубликованном В. В. Нечитайло, помещены, как и на подвесках, изображения родового двузубца Рюриковичей. Это превращает монеты в подобие геральдических подвесок и уравнивает изобразительные символы, сопровождающие княжеский знак, с самим княжеским знаком. Кроме того, на другой стороне монеты с граффито № 259а процарапан четырёхконечный крест, что уподобляет монету геральдическим подвескам с изображением креста. Решусь поэтому предположить, что изображения стяга, рога, меча-молота и птицы с крестом являлись социально престижными изобразительными символами лиц, не принадлежавших к роду Рюриковичей, но обладавших такими властными полномочиями, которые уравнивали их с представителями правящей династии. Во всяком случае, по крайней мере, два из этих изображений помещены на монетах Х в.¹¹

Комментируя подвеску из Рождественского могильника, я предполагал, что её держатель выступал в своей деятельности от имени одновременно Владимира Святого и лица, обладавшего статусом приёмного сына Владимира: «Чрезвычайно заманчиво было бы отождествить с владельцем знака меч-молот... Олава Трюггвасона, дядей которо-

го был Сигурд Эйриксон. Статус приёмного сына Владимира Святого, которым обладал Олав, ставит его в один ряд с сыновьями Владимира, занимавшими княжеские столы и пользовавшимися лично-родовыми знаками» [Белецкий, 2000. С. 405]. Не ставшая сейчас на предлагавшейся персонализации знака «меч-молот», я всё же полагаю, что владельцем знака являлся человек, обладавший статусом сопровитателя Владимира Святого. Те же соображения можно адресовать и знаку «меч-копье», сопровождавшему трезубец Владимира на подвеске из Сновска [Белецкий, 2014а. С. № 89].

Прочие подвески, несущие изобразительные символы, не принадлежащие к семейству «знаков Рюриковичей», относятся к более раннему времени. Псковская подвеска с изображениями двузубца и птицы с крестом (рис. 3: 3) происходит из погребения третьей четверти Х в. [Белецкий, 2011а. С. 47], так что владелец подвески выступал, вероятнее всего, представителем великого киевского князя Святослава Игоревича (†972). Идентичное подвеске из Гнёздова [Белецкий, 2004. № 40] сочетание изображений родового двузубца Рюриковичей и стяга зафиксировано граффити на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г. [Добровольский и др., 1991. С. 139, № 72], что делает возможным изготовление верительного знака в годы великого княжения Игоря Рюриковича (†945), хотя датировка подвески временем великого княжения Святослава Игоревича также не исключена. Подвеска из городища Каукай (рис. 3: 4) несёт три знака: двузубец Ярополка Святославича (†980) на одной стороне и наложенные один на другой изображения стяга и рога на другой; двузубцем с крестовидной ножкой Ярополк пользовался при жизни отца, так что подвеска была изготовлена до 972 г., но, очевидно, не раньше 970 г., когда Ярополк получил «из руки отца» киевский стол [Белецкий, 2004. С. 253]. Во всех перечисленных случаях изображения, сопровождающие древнерусские княжеские знаки, могли принадлежать (и, вероятно, принадлежали) лицам,

имевшим статус сопровитателя великого киевского князя.

После всего сказанного, вернёмся к подвеске из Чернигова. На стороне А у неё, как уже говорилось, помещено парадное изображение трезубца Владимира Святого. Трезубец, который предполагалось разместить на стороне Б этой подвески, вряд ли принадлежал самому Владимиру — случаи размещения на обеих сторонах геральдической подвески одинаковых знаков неизвестны¹². Следовательно, на стороне «Б» планировалось изобразить трезубец одного из сыновей Владимира Святославича.

Изменения, внесённые в оформление подвески на стадии изготовления, превратили владельца данного верительного знака из потенциального представителя великого князя и князя-наместника в представителя исключительно великого князя. Велика вероятность того, что за редактированием верительного знака скрыта утрата юрисдикции князем-наместником. Вряд ли это было связано с физической смертью княжича: на место ушедшего из жизни князя-наместника Владимир обычно назначал нового¹³. Не могло ли редактирование верительного знака явиться следствием решения великого князя Владимира лишить одного из сыновей стола? На память сразу приходят события 1014 г., когда новгородский князь-наместник Ярослав отказался платить ежегодный «урок» Киеву и Владимир собрался идти войной на мятежного сына¹⁴. Именно такое решение и должен был бы принять великий киевский князь перед карательным походом.

Конечно, поверхность стороны Б у черниговской подвески сильно разрушена коррозией (рис. 1), но, тем не менее, над разметкой центрального зубца трезубца как будто бы угадывается фрагмент графьи, обозначавшей кружок. Если это не случайные каверны, то трезубец на стороне Б действительно должен был быть изображением лично-родового знака князя Ярослава Владимировича. В таком случае, датой изготовления черниговской подвески следует признать 1014 год.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий С. В. Зарождение русской геральдики // Stratum plus. 2000. № 6. Saint-Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucharest, 2000.

Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Белецкий С. В. Две древнерусские геральдические подвески // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.). М.; Псков, 2011.

Белецкий С. В. Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина. Москва, 21–22 ноября 2011 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2011.

Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси. Повесть временных лет. СПб., 2012.

Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладужская земля в эпоху Средневековья. Вып. 4. СПб., 2014 (а).

Белецкий С. В. Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // Stratum plus. 2014 (6). № 5.

Белецкий С. В., Новик Т. Г. Древнерусская геральдическая подвеска из Чернигова // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. II. СПб.; М. 2009.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. I. СПб.; М., 2010.

Кулешов Вяч. С., Гомзин А. А., Плавинский Н. А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральди-

ки: восточноевропейские граффити с «молотками Тора» // Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина. Заседание 18 января 2012 года. СПб., 2012.

Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994.

Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X—XIII веков. Т. 1. Древнерусские печати великих князей Киевских и митрополитов Руси. Киев, 2012.

Повесть временных лет. Часть первая. М.; Л., 1950. — Ссылки на указанное издание приводятся в тексте после сокращения: ПВЛ.

Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) // Советская археология. Т. XXVI. 1956.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970.

Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. III. М., 1998.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы науч. конф. Новгород, 25—27 января 2000 г. Вып. 14. Новгород, 2000.

Gooch M. An Introduction to the Viking Coinage of York // The Journal of the London Numismatic Club. Vol. VIII. No. 13. 2010.

Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem // Russian History. (2012). 39.

Lindberger E. The Falcon, the Raven and the Dove. Some bird motifs on medieval coins // Eastern Connections. Part One: The Falcon Motif. Stockholm. 2001.

Rispling G. Coins with crosses and bird heads — Christian imitations of Islamic coins? // Fornvännen 82. Stockholm, 1987.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Монета отчеканена в 913/14 г. [Добровольский и др., 1991. С. 136].

² Монета отчеканена в 900 г. [Добровольский и др., 1991. С. 139].

³ Год чеканки монеты не ясен [Добровольский и др., 1991. С. 139].

⁴ Монета отчеканена в 866 г. [Добровольский и др., 1991. С. 141].

⁵ Монета отчеканена в 798/99 г. [Нахапетян, Фомин, 1994. С. 180].

⁶ Монета отчеканена в 916/17 г. [Нахапетян, Фомин, 1994. С. 190].

⁷ Монета отчеканена в 913/14 г. [Добровольский и др., 1991. С. 144]; правда, И. Г. Добровольский с соавторами считали граффито № 149 изображением ладьи [Добровольский и др., 1991. С. 61].

⁸ Монета отчеканена между 892 и 901 гг. [Кулешов и др., 2012. С. 16].

⁹ По мнению В. С. Кулешова (Эрмитаж), на лицевой стороне удаётся прочитать остатки даты: Саманиды, 'Абд ал-Малик ибн Нух или (менее вероятно) Нух ибн Наср, 340-е гг. хиджры, т. е. монета чеканена в интервале 952—960 гг.

¹⁰ Для публикации В. В. Нечитайло, к сожалению, характерно отсутствие ссылок на источники информации о включённых в «каталог» предметах, а также искажение сведений о происхождении находок.

¹¹ Изображение стяга зафиксировано на монете Олава Сигтригсона (Анлав III Кваран), отчеканенной в Йорке в 940-е гг. [Gooch, 2010. С. 50]. Изображение птицы с крестом, «вырастающим» из головы, отмечено на псевдодиргемах X в., чеканившихся, по мнению Г. Рисплинга,

на Руси в годы правления Олега или Игоря [Rispling, 1987. С. 84]. Э. Линдбергер [Lindberger, 2001. С. 60—61], Т. Е. Ершова [Ершова, 2010. С. 284—289] и Р. К. Ковалёв [Kovalev, 2012. С. 407] также полагают, что монеты чеканились на Руси, но — от имени княгини Ольги. При этом Р. К. Ковалёв ссылается на личное сообщение Г. Рисплинга, пересмотревшего свою первоначальную датировку монет [Kovalev, 2012. С. 468].

¹² Среди металлических подвесок нет ни одной двусторонней подвески, на обеих сторонах которой были бы изображены одинаковые княжеские знаки. На роговой подвеске из Новгорода после произведённого «редактирования» [Белецкий, 2004. С. 254—255] на обеих сторонах оказались одинаковые трезубцы, однако костяные и роговые подвески «представляли собой детские игрушки, копировавшие подлинные верительные знаки точно так же, как детские деревянные мечи, копья, боевые ножи и луки со стрелами копировали подлинное оружие княжеских дружинников» [Белецкий, 2011б. С. 47—48], так что ожидать от детской имитации верительного знака полного соответствия «взрослому» прототипу, естественно, не приходится.

¹³ «Умершю же старѣйшому Вышеславу Новгородѣ, посадиша Ярослава Новгородѣ» [ПВЛ. С. 83].

¹⁴ «Ярославу же сущу Новгородѣ и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривенъ от года до года, а тысячу Новгородѣ гридемъ раздаваху. И тако даяху вси посадници новгородости, а Ярославъ сего не даяше Киеву, отцу своему. И рече Володимиръ: “Теребите путь и мстите мость”, — хотяше бо на Ярослава ити, на сына своего» [ПВЛ. С. 88—89].